

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММЕНТИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПРОЦЕССА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

М. А. КОРЧИЦ

Стремясь раскрыть человеческий характер во всей его сложности и противоречивости, показать «диалектику души», Толстой особое внимание уделяет комментированию речи героев, которая сама по себе является важным средством художественного изображения. Но для писателя важно не только содержание высказывания, но и способ его реализации, не только то, что говорят герои, но и то, как и почему они так говорят, что думают, о чём умалчивают (1,73)¹ С этой целью используются различные синтаксические средства авторской речи, сопровождающей реплики героев. Являясь необходимым структурно-грамматическим элементом, связывающим отдельные реплики с тканью художественного текста, слова автора (вводы) раскрывают особенности звучания чужой речи, способ её протекания, чувства и настроения персонажей, дают оценку высказывания и т. д. (11,63 и др.).

В структурном отношении вводы, имеющиеся в романе «Анна Каренина», подразделяются на две группы: нераспространённые, состоящие только из подлежащего и сказуемого, и распространённые, в состав которых, кроме грамматического центра, входят второстепенные члены, выполняющие роль конкретизирующих, комментирующих средств.

Нераспространённый, двучленный ввод, состоящий только из субъекта и предиката, выражает лишь процесс речи в его общем виде (если предикат — стилистически нейтральный речевой глагол) и производителя действия (говорящего). Чтобы избавиться от однообразия, схематизма в применении нераспространённого ввода, автор варьирует грамматические формы сказуемого, подбирает эмоционально окрашенные глаголы речи, использует контекстуальные синонимы.

И всё же нераспространённый ввод ограничивает творческие задачи художника: он содержит всего лишь два компонента, и каждый из них семантически и функционально определён. Больше возможностей для качественной оценки речевого процесса и его производителя имеется у распространённого ввода. Расширение, распространение структурной модели ввода при этом может происходить за счёт присоединения новых, оценочных структурных элементов к обоим членам — и к сказуемому, и к подлежащему. Но сказуемое, обладая большей активной валентностью (9,69), может присоединять к себе несколько членов, уточняющих процесс речи. Ср.: «Самолубия, — сказал Левин, задетый за живое словами брата, — я не понимаю (8,264)², «Ну что же? —

¹ Первая цифра — порядковый номер научного труда, помещённого в списке литературы в конце статьи, вторая — его страница.

² Здесь и далее примеры приводятся по изданию: Л. Н. Толстой, Собрание сочинений в четырнадцать томах. М., ГИХЛ, 1952. Первая цифра означает том, вторая страницу

сказала она себе решительно, пересаживаясь в кресле» (8, 110). В качестве комментирующих средств в авторской речи выступают синтаксические единицы различных уровней, и каждая из них по-своему углубляет, расширяет возможности художественного отражения речи персонажей. Используемые в различных комбинациях, они позволяют передать тонкие нюансы звучащей речи.

Рассмотрим каждое из перечисленных синтаксических средств.

В качестве сказуемого авторских слов, сопровождающих прямую речь, Л. Н. Толстой использует глаголы различных типов. Среди них в первую очередь выделяется большая группа собственно речевых глаголов (*говорить, сказать, спросить, отвечать* и др.), у которых значение процесса речи является их основным номинативным значением, и контекстуально речевые глаголы, используемые для обозначения процесса говорения в своём производном значении (*продолжать, кончать, повторять, вставать, напасть, встретить, помочь, утешать, остановить, прервать, вмешаться, поправить* и др.). Внутренняя речь вводится глаголами *думать, понять, решить, вспоминать, представить* и др. Воспроизводимая письменная речь сопровождается глаголами *читать — прочитывать, писать — написать*. Речь, воспринимаемая на слух, вводится глаголами *слышать, услышать, послышаться, раздаться, прозвучать, зазвенеть*. Кроме того, вместо речевых глаголов во вводах автор применяет также глаголы со значением действия, сопутствующего процессу речи: *взглядывать, вздохнуть, звать*.

По стилистической и эмоциональной окраске глаголы перечисленных групп не однородны. Чаще всего в авторских словах используются стилистически нейтральные глаголы. Частотность употребления некоторых из них очень велика. Так, по нашим подсчётам, глагол *сказать* в качестве основного вводящего элемента встречается 1901 раз, *отвечать* — 237, *говорить* — 214, *спросить* — 188 и т. д. Вокруг них группируются производные глаголы, отличающиеся семантикой и экспрессивностью, содержащейся в формо- и словообразующих морфемах. Например: *говорить* — *проговорить, приговаривать, заговорить, выговорить*; *сказать* — *высказать*; *спросить* — *переспросить*. Такие же группы однокорневых слов имеются и среди экспрессивно окрашенных глаголов: *кричать* — *крикнуть, прокричать, закричать, вскрикнуть, покрикивать, пере-крикивать* и др. Реже используются составные наименования: *начал излагать, стал просить, продолжал думать, начал было рассказывать, позволил себе вставить, хотела сказать, мог ответить, старалась вспомнить, успел подумать, поспешила сказать, загорелась говорить, должен был сказать, хотела начать говорить, доставил себе удовольствие повротить* и др. Очень редко встречаются вводящие элементы типа *задал вопрос, приходило в голову*.

Паким образом, только вводящий глагол создаёт богатые возможности для авторского комментирования чужного высказывания. Благодаря постоянному варьированию видо-временных форм, использованию функциональных синонимов, стилистически нейтральных и эмоционально окрашенных слов, непроемных и производных, простых и составных элементов со значением речевого процесса, автор имеет возможность отметить признаки чужой речи, как начало речевого процесса (*начала рассказывать, стал просить, заговорил, закричал*), его продолжение (*продолжал, продолжал думать, подхватил*), законченность, доведение до определённого предела (*кончил, досказал, проговорил, высказал*), включение в речь собеседника, прекращение её (*вмешался, вставила, перебил, остановила*), повторяемость, добавление к сказанному (*добавила, присовокупил, повторил, переспросил*), кратность (*крикнул, шепнул*,

взвизгнул). Ряд речевых глаголов подчёркивает коммуникативную цель высказывания в процессе диалога: *спросить, обратиться, встретить, предложить, подсказать, ответить, возразить, отозваться, поздравить, окликнуть, оправдаться* и др.

Как видим, способу совершения речевого процесса автор уделяет большое внимание. Поэтому наряду с глаголами, указывающими лишь на акт речи, в романе используются глаголы, в семантике которых содержится характеристика речевого процесса с точки зрения способа протекания его. Имеются в виду такие глаголы, как *рассказывать* «словесно сообщать, излагать», *объяснять* «растолковывать», *провозгласить* «торжественно объявить», *продекламировать* «проговорить напыщенно, высокопарно», *умолять* «сильно просить», *напустить* «накинуться с бранью, упрёками», *шутить* «весело и забавно говорить» и др. Например: «Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюблённых узнаю по их глазам, — продекламировал Степан Аркадьич» (8,42); «Ах! — вскрикнула она, увидев его и вся просияв от радости» (9,14); «Длинная история. Я расскажу когда-нибудь, — сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать» (8,22).

Некоторые вводящие глаголы указывают оттенок звучания речи: *шептать, пробасить, взвизгнуть, замычать, протянуть, зашикать, рвякнуть, пробормотать, прохрипеть*: «Водки лучше всего, — пробасил Яшвин» (8,193); «Я не могу ничего изменить, — прошептанла она» (8,395); «Я так и отвечал и думал, что дело это конечно. И считаю его оконченным, — взвизгнул Алексей Александрович» (9,306).

Эмоционально насыщенные глаголы передают различные чувства говорящего, правда, характер этих чувств раскрывается, как правило, содержанием прямой речи, другими комментирующими средствами, ситуацией и действиями героев. Сравним: «Неприятно! — вскрикнула она» (9,126); «Ах, что я сделал! — вскрикнул он и, встав перед ней на колени, стал целовать её» (9,15); «Что ты, с ума сошёл? — с ужасом вскрикнула Долли» (9,180).

Значение сожаления, волеизъявления, проявления психической деятельности говорящего, возможности, необходимости и т. д. выражается составными вводящими элементами: *хотела сказать, должен был сказать, мог сказать, старалась вспомнить, успел подумать*: «Как ты одеваешься без меня? Как ... — хотела она начать говорить просто и весело ...» (9,110); «Ну, не будем, — поспешила сказать Дарья Александровна, заметив выражение страдания ...» (9,220).

Большую функционально-художественную нагрузку имеют распространяющие элементы ввода. Внимание читателя останавливается главным образом на них, именно они сообщают дополнительную информацию о высказывании, так как сам факт речи героя, её содержание и коммуникативная направленность определяются в процессе чтения реплики. Для читателя во вводе важно и существенно не упоминание об акте речи и её производителе, а оттенки и способы её реализации.

Наречные распространители вводящего глагола-сказуемого семантически разнообразны. По художественно-стилистическому назначению они достаточно чётко подразделяются на две группы: наречия, непосредственно характеризующие речевой процесс, и наречия, дающие качественную оценку речи через описание психического, эмоционального состояния субъекта.

Наречия первой группы, характеризуя акт речи, указывают на темп (*быстро, поспешно, торопливо, медленно*), интенсивность звучания (*громко, произ-*

тельно, тихо, слабо), повторяемость (снова, беспрестанно), степень достоверности (неопределённо, уклончиво), неизменяемость (одинаково, как и обычно), образ и способ реализации (мысленно, вслух, просто, торжественно, свободно, энергически), неподготовленность (неожиданно, невольно), национальный признак (по-русски, по-английски, по-французски): «Не уходи, не уходи! Я не боюсь, я не боюсь! — быстро говорила она» (9,297); «Надо попытаться, — тихо сказала она» (9,221); «Она беспрестанно повторяла: «Божье мой! Божье мой!» (8,313); «Может быть, — уклончиво сказал Левин, — но я не вижу» (9,392); «Тем хуже для тебя, — говорил он мысленно» (8,218); «Что с вами? Вы нездоровы? — сказал он по-французски, подходя к ней» (8,198).

Эмоционально окрашенные наречия (вторая группа) указывают на чувства, психическое состояние субъекта: радость удовлетворённости, расположенность (радостно, весело, шутя, смеясь, дружелюбно, нежно, ласково, почтительно), гнев, злобу, насмешку (гневно, злобно, сердито, гадливо, жёстко, насмешливо, иронически, недовольно, сухо, холодно), состояние, вызванное сильным впечатлением (испуганно, взволнованно) или другие психические состояния (робко, стыдливо, покорно, кротко, искренно, скромно, наивно, вяло, равнодушно, беззаботно, нетерпеливо, смело, виновато и др.): «Ну вот. Я и говорила! — радостно подхватила дама» (9,358); «Что, началось, началось? — испуганно говорил он» (9,289); «Зачем же вы поехали? — сухо сказал он ему» (9,158); «Значит, заслужил, — сказал швейцар строго и серьёзно» (9, 97); «Да что она сделала? — довольно равнодушно сказал Левин» (9,179).

Особенно велика роль наречий оценочного характера в тех случаях, когда они поясняют стилистически нейтральный глагол, отмечающий только факт речи без дополнительных смысловых и экспрессивных оттенков, как, например, глаголы *говорить*, *сказать*. Они концентрируют в себе максимум лексического смысла ввода. Экспрессивная инертность — одна из причин, заставляющих автора активно использовать конкретизирующие глагол средства. Так, по нашим наблюдениям, только при глаголе *сказать* в романе употребляется свыше 60 наречий: *уныло, сухо, медленно, взволнованно, весело, тихо, робко, мрачно, шутя, быстро, холодно, строго, просто, серьёзно, удивлённо, кротко, жалобно, злобно, презрительно, укоризненно, решительно, раздражительно, иронически, вслух* и др.

Обстоятельства, выраженные именем существительным с предлогом (или без него), по художественной функции и лексическому значению во многом сходны с наречными конкретизаторами. Среди них тоже выделяются две группы образований: имена существительные, непосредственно раскрывающие признаки воспроизводимой чужой речи, и существительные, характеризующие речь через отражающееся в ней психическое состояние говорящего. Важную роль здесь играет художественная деталь, мимика, выражение лица, глаз персонажа. Активно используется и способность существительного присоединять к себе определения-эпитеты, которые часто для художественного изображения более существенны и значимы, чем само существительное.

Обстоятельства-существительные характеризуют способ реализации речи: *про себя, на словах, сквозь сон, сквозь слёзы, сквозь рыдания, с расстановкой, с несколько французским акцентом, с изяществом дикции, с ясностью и последовательностью, быстрым говором*. «Навсегда чужие! — повторила она опять с особенным значением это страшное для неё слово» (8,17); «Я не могу допустить, — сказал Сергей Иванович с обычной ему ясностью и отчётливостью

выражения и изяществом дикции...)» (8,29); «Он ел принесённый пирог и сквозь рыдания приговаривал: «Ешь сама, вместе будем есть... вместе» (8,86).

Существительные второй группы характеризуют речь по заключённому в ней чувству радости, удовольствия, счастья (с улыбкой, с усмешкой, с радостью, с удовольствием, со смехом, с шутливой приятностью), гнева, злобы, насмешки (с гневом, с болью и злобой, с отвращением, со сдержанным бешенством, презрением, с насмешкой, с укоризной, с упрёком, с иронией), по сильному впечатлению (с ужасом, со страхом) или другим психическим движениям (с отчаянием, с досадой, с сомнением, с завистью, с раздражением, в недоумении, с грустью, с горячностью, с участием): «С его сиятельством работать хорошо, — сказал с улыбкой архитектор» (9,210); «Ну, так, так! — с радостью заговорила княгиня Мягкая» (9,314); «Нет, как же! — со сдержанным бешенством говорил Левин» (9,17); «Что за охота про это говорить, — с досадой сказала Кити» (9,133).

Как уже отмечалось, определения-конкретизаторы при существительных имеют настолько сильный экспрессивный заряд, что само определяемое существительное без эпитета не может выразить необходимого понятия. Особенно наглядно это обнаруживается у существительных с обобщённым значением.

Так, существительное *улыбка* имеет при себе такие одиночные определения-эпитеты и сочетания: *радостная, ласковая, добродушная, мягкая, радостно-хитрая, притворная, презрительная, самодовольная, тонкая, достойная, вопро-сительная, испуганная, спокойная, покорная, самая смягчающая, чуть заметная; кроткая и усталая, весёлая и любящая, гордая материнская, виноватая и вместе с тем доверчивая; детская виноватая; дружеская, насмешливая; насмешливая, любовная; смягчающая, миндально-нежная; нежная, уважительная и осторож-ная*. При существительном *усмешка* употребляются определения *простая, грустная, ядовитая, злая*; существительное *выражение* встречается в таком микроконтексте: *с значительным (простым, доверчивым, особенным, несколько хитрым) выражением; с выражением угрозы (гадливости, неудовольствия, злобы и упрёка, спокойствия и убеждения)*. Герои романа говорят голосом весёлым, тихим, глухим, заискивающим, прерывающимся, изменившимся, внутренним, жалким, жалостным, умоляющим, тонким, пискливым, визгли-вым, дребезжащим, дрожащим (от слёз), плаксивым, неприятным; кротким певучим; милым грудным; тихим и грустным; тихим, робким; медлительным тонким и т. д. Тон речи у них то (не)шуточный (тон шутки), то дружески грубый, то твёрдый и спокойный, то естественный простой, то умышленно поверхност-ный и легкомысленный. Иногда тон речи раскрывает скрытые мысли и чувства героя, противоположные тем, о которых он говорит на словах. Например: «Я очень был занят. Очень рад вас видеть, — сказал он тоном, который ясно говорил, что он огорчён этим» (8,404).

Таким образом, определения-конкретизаторы при обстоятельственных словах способствуют передаче таких чувств говорящего, как радость, грусть, тоска, горе, злоба и т. д., а не только эмоционально-экспрессивной окраски речи. Даже автосемантические слова, которые в своём лексическом значении содержат ту или иную окраску речи, употребляются в сопровождении эпитетов: *с искренним и комическим (оскорблённым, спокойным) удивлением, значительным (испуганным) шепотом* и т. д.

Активно используются также такие распространители ввода, как деепри-частные обороты. Будучи связи с предикатом через посредство субъекта, они характеризуют и говорящего, и его действие, т. е. процесс речи. Однако функци-онально они не однородны. Одни из них выступают в роли второстепенного

сказуемого, обозначают побочное действие, совершающееся назависимо от процесса речи, другие связаны с основным (речевым) глаголом определёнными смысловыми отношениями или выражают его непосредственный признак.

К первой группе относятся многочисленные деепричастия, образованные от глаголов движения, перемещения, действия, состояния, мыслительной деятельности и т. д.: «*А что-нибудь принесли? — спросил Серёжа, помолчав*» (9,97); «*Ты видел картину Михайлова? — сказал он, подавая ему только что полученную утром газету и указывая на статью о русском художнике*» (9,36); «*Экая досада, — думал Левин, со вздохом снимая одну перчатку и расправляя шляпу*» (9,267).

Вторая группа деепричастий тесно связана с глаголом-сказуемым. Особенно чётко смысловые связи между ними обнаруживаются в тех случаях, когда деепричастие характеризует процесс речи, указывает на способ его совершения. В исследованном материале можно выделить несколько групп таких деепричастий, обозначающих

а) способ реализации речи: *тонким голосом протянув слово «немножко», путаясь в словах, медленно выжимая из себя слова, неожиданно употребив это название, переводя на свой язык, возвышая голос, растягивая слова* и др.;

б) течение речевого процесса, его коммуникативную направленность, связь с речью собеседника: *кратко, объяснив, отвечая на вопрос, запрещая этот намёк, уговаривая, упрасывая, утешая, неожиданно вступая в разговор, прервав свой рассказ, перебивая разговор* и др.;

в) чувства говорящего — радость, удовольствие, сожаление, гнев, удивление и т. п.: *в глубине души радуясь той силе любви, тотчас же повеселев, удивляясь смелости того вопроса, вдруг рассердившись, оскорбившись за своего друга, раздражаясь всё более, презирая его за низость этого чувства, сжалившись над его отчаянным лицом, ужаснувшись перед выражением его отчаяния* и др.;

г) интеллектуальную деятельность, процессы мысли говорящего: *вспоминая, забывая, зная, понимая, соображая, думая, уловив, разобрав, вникая, интересуюсь, угадывая, воображая, прощая, догадываясь, разобрав, следя, подразумевая, соглашаясь, надеясь, представляя, переносясь, полагая, придавая значение, продолжая думать, не находя убедительным, приняв за настоящую монету* и др.;

д) желание, стремление, опасение говорящего сделать, выразить что-нибудь: *желая убедить (показать, заметить, догадаться, развеселить, разговориться, поговорить, переменить разговор, продолжать разговор, высказать мысль, быть спокойно-ядовитой, видеть и понимать), стремясь узнать (пойать, показать, угадать, выразить, высказать, прочесть, не смотреть, услышать, спасти, придать смелости, скрыть внимание, удержать улыбку, заглушить волнение, не конфузиться, уловить нить мысли, иметь равнодушный вид, быть равнодушным, быть хладнокровным, скрыть торжество, скрыть дрожание* и др.), боясь верить, удерживая улыбку, удерживая гнев, борясь с застенчивостью;

е) сопутствующее действие, влияющее на речевой процесс: *всхлипывая, плача, рыдая, вздыхая, прокашливаясь, подёргиваясь, дыша, кивая, отдуваясь, зевая, сопя, отпыхиваясь, задыхаясь*;

ж) мимику, выражение лица, свидетельствующие о душевных переживаниях, чувствах говорящего: *краснея, вспыхнув, побледнев, пылая, бледнея румянцем, оживляясь, сощурившись, улыбаясь, смеясь, просияв, сияя улыбкой, не переставая улыбаться, повеселев, нахмурившись, нахмурился, хмурясь* и др.

Как и глаголы речи, вводящие чужие высказывания, деепричастия тоже сопровождаются эпитетами, что позволяет Толстому передать тончайшие

оттенки чувств и переживаний героя, иногда трудно определимые и незаметные движения души. Например, деэпричастие *улыбаясь* в романе употребляется с такими поясняющими, конкретизирующими наречиями и именными сочетаниями: *весело, чуть заметно, слабо, невольно, особенно, искренно, учтиво, тонко, нежно, нежно как женщина, иронически, ласково, кротко, радостно, смелее, смягчительно, притворно, дружелюбно, чуть, насмешливо, задумчиво, робко, добродушно, сконфуженно, блаженно, спокойно, простою и открытою улыбкой, блаженною восторженною улыбкой, кротою и усталою улыбкой, доброю и несколько насмешливою улыбкой, особенно блестящими из-за чёрного лица зубами.*

Для передачи чувств, внутренних психических движений (а через них и речи) писатель часто использует различные детали внешнего облика, мимику, жесты. Причём наблюдения Толстого в этом отношении очень глубоки и тонки. У Толстого говорит не только сам персонаж, но и его голова, плечи, лицо, глаза, брови, руки. Эти «участники» речевого акта находятся в постоянном движении, изменении. Например, герои романа «Анна Каренина» говорят, покачивая головой, пожимая плечами, нахмутив лицо, насупив брови, впиваясь глазами, подёргивая шеей, морща лоб, собирая губы в улыбку, осклабляя зубы, не открывая рта, сжав скулы, делая гримасу, отводя взгляд, размахивая руками, делая жесты руками, становясь в позу и т. д. Особенно выразительны глаза: *вскидывая глаза, не спуская глаз, впиваясь глазами, переводя глаза, остановив глаза, протирая глаза, подняв глаза, (не)поднимая глаза, (не)открывая глаза, открыв глаза, блестя глазами, закрывая глаза, отворачивая глаза, поворачивая глазами, сощуривая глаза.*

Одной из типичных особенностей творческой манеры Толстого является неоднократное повторение какой-нибудь характерной черты, детали, отчего наше восприятие персонажа становится конкретным, зримым, осязаемым. Такая повторяющаяся деталь обнаруживается и в деэпричастных оборотах: у Анны — приобретённая привычка щурить глаза и морщить лоб, у Вронского — крепкие (сплошные, плотные) белые зубы, у Левина — способность краснеть до корней волос от смущения, у Каренина — неприятный, визгливый голос: *«О нет! Ведь ты знаешь, я его видела, Серёжу, — сказала Анна, сощурившись, точно вглядываясь во что-то далёкое»* (9,198); *«Как я рад тебя видеть! — сказал Вронский, выставляя дружелюбною улыбкой свои крепкие белые зубы»* (9,29); *«Ах, об этом тоже поговорим после, — опять до ушей покраснев, сказал Левин»* (8,25).

В качестве распространителей группы сказуемого иногда выступают обособления, уточняющие, как правило, внешнюю сторону проявления речевого процесса: *«Здравствуйте, княжна! — сказала Анна Павловна с притворною улыбкой, столь непохожею на прежнее её обращение»* (8,250). Сравнительные обороты, относящиеся к вводящему глаголу, встречаются редко: *«Винюват, извините, пожалуйста, — сказал он, как незнакомому»* (9,234).

Распространённые вводы содержат и другие члены, относящиеся к сказуемому. Они обозначают адресата речи, т. е. собеседника, участвующего в диалоге. Говорящий обращается к нему с вопросом или отвечает на его вопрос. Указывается также лицо, о котором идёт речь, источник информации и т. д.: *сказал он Чиркову, говорил он себе, обратилась она к Анне, спросил он у садовника, сказал он на вопрос швейцара, думала она про мужа и др.* Время и место речи выражают сочетания: *каждый раз, при каждой встрече, после наступившего молчания; со всех сторон, из-за двери, с другой стороны залы, в другой комнате*

и др. Но, в силу специфики своей синтаксической функции, такие распространители ничего не сообщают о качественных сторонах речевого процесса.

Из придаточных предложений, входящих в состав авторского комментария и относящихся к группе сказуемого, в плане нашего исследования имеют значение предложения, обозначающие цельречи, условие, вопреки которому совершается акт речи, и ассоциативные сравнения: *«Почему ты думаешь, — сказал Левин, чтобы сказать что-нибудь»* (9,74); *«Что, далеко ли, Михайла? — спросила Дарья Александровна у конторщика, чтобы отвлечься от пугавших её мыслей»* (9,186); *«Ну, положим, — сказал Левин, хотя вовсе не полагал этого, — положим, что это так...»* (8,266); *«Ну, разумеется, — быстро прервала Долли, как будто она говорила то, что не раз думала, — иначе бы это не было прощенье»* (8,79).

Определительные придаточные предложения, как и некоторые сравнительные, уточняют, конкретизируют мимику, выражение лица, жесты, сопровождающие процесс речи: *«Там, где дело идёт о десятках тысяч, он не считает, — говорила она с тою радостно-хитрою улыбкой, с которою часто говорят женщины о тайных, ими одними открытых свойствах любимого человека»* (9,193); *«Для чего ты испытываешь моё терпение? — сказал он с таким видом, как будто мог бы сказать ещё многое, но удерживался»* (9,328).

Изъяснительные придаточные (встречаются очень редко) комментируют содержание высказанного: *«Прелесть, какая лёгкость... — говорил он ей то, что говорил почти всем знакомым»* (9,86).

Предикативные единицы, присоединяемые к грамматическому центру ввода сочинительной связью, характеризуют чувства, переживания персонажа, указывают на внешнее проявление этих чувств: *«Нет, Алексей Александрович, что ты говоришь! — вскрикнул Облонский, и страдание выразилось на его лице»* (8,410); *«Ничего особенного не было, очень просто, — отвечала княгиня, но лицо её всё просияло от этого восклицания»* (9,132).

Характерной чертой стиля Толстого является употребление нескольких конкретизаторов (иногда логически несовместимых) для выражения необходимого понятия. Это наблюдается в подборе наречий, прилагательных, существительных при описании процесса речи, выражения лица говорящего и т. д.: *сказала она ему шутиливо-строго* (2,21), *сказала она с виноватою и вместе с доверчивою улыбкой* (1,423), *с покорной улыбкой, но с выражением спокойствия и убеждения... отвечал помещик* (2,237). Однородные сказуемые со значением речевого процесса встречаются редко: *«Серёжа здоров? — сказал он и, не дожидаясь ответа, прибавил: — Я не буду обедать нынче дома, и сейчас мне надо ехать»* (8,274). Обычно второе сказуемое имеет значение сопутствующего действия: *сказал он и оглянулся, сказала Кити и села к столу и др.* Однако некоторые фоновые глаголы-сказуемые раскрывают и эмоциональное, психическое состояние субъекта и тем самым являются дополнительным средством комментирования речевого потока. Это глаголы *смутился, покраснел, испугался, ужаснулся, заплакала, улыбнулась, вздохнула, нахмурился*: *«И я уверен в себе, когда вы опираетесь на меня, — сказал он, но тотчас же испугался того, что сказал, и покраснел»* (8,35); *«Девять тысяч, — повторил Алексей Александрович и нахмурился»* (9,30).

Комментирующие прямую речь структурные элементы, связанные с подлежащим ввода, — это определительные конструкции различных типов: одиночные определения, причастные обороты, определительные придаточные предложения. Из них наиболее употребительны определения, обозначающие

внутреннее состояние субъекта или внешнее проявление его: «Едем, едем, — отвечал счастливый Левин» (8,37); «Я прошу, — вдруг вставая на ноги, бледный и с трясущейся челюстью, пискливым голосом заговорил Алексей Александрович, — прошу вас прекратить, прекратить... этот разговор» (2,308).

Причастные обороты тоже характеризуют внутреннее состояние говорящего в момент речи, которое, естественно, влияет на сам процесс говорения, на интонационно-эмоциональную окраску его. В некоторых случаях они мотивируют и содержание высказывания, хотя это не получает ясного формального выражения. Например: «Есть о ком думать! Гадкая, отвратительная женщина, без сердца, — сказала мать, не могшая забыть, что Кити вышла не за Вронского, а за Левина» (9,133); «Я всё готов сделать для того, чтобы ты была счастлива, — говорил он, тронутный её отчаянием» (9,288); «Пожалуйста, не трогай, не учи меня, — сказал Левин, раздосадованный этим вмешательством кучера» (9,387).

Менее чётко подобное функционально-стилистическое назначение проявляется у определительных придаточных предложений, поясняющих подлежащее ввода: «Тем более, что я не могу пробыть у вас долго, мне необходимо к старой Вреде. Я уже сто лет обещала, — сказала Анна, для которой ложь, чуждая её природе, сделалась не только проста и естественна в обществе, но даже представляла удовольствие» (8,321).

Проведённые наблюдения над приёмами авторского комментирования речевого процесса в романе «Анна Каренина» позволяют сделать вывод, что писатель характеризует процесс речи с разных сторон, отмечая и способ речевого акта, и различные обстоятельства, и логическую мотивированность. Особенно большое внимание автор уделяет характеристике эмоциональной окраски чужого высказывания через описание внутреннего состояния героя. Это достигается использованием синтаксических единиц различных уровней (сказуемое, второстепенные члены, предложение) и подбором эмоционально насыщенной лексики, отвечающей творческим задачам писателя. Одни из синтаксических средств дают качественную оценку процесса речи непосредственно, другие — косвенно, отражая внутренний мир персонажа в момент речи. Исключительно важное идейно-художественное значение в этом отношении имеют экспрессивно окрашенные глаголы, обстоятельства, выраженные наречиями и существительными, и деепричастные обороты, а также определения-эпитеты, используемые при описании внешнего облика героя.

Широкое применение различных изобразительных средств для комментирования чужой речи — важнейшая черта художественного мастерства Л. Н. Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Васева-Кадынкова И. О глаголах речи в авторском сопровождении диалога. — «Русский язык за рубежом», 1972, № 2.
- [2] Виноградов В. В. О языке Толстого, «Литературное наследство», № 35—36.
- [3] Грамматика русского языка, т. I. М., АН СССР, 1960.
- [4] Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970.
- [5] Громов П. П. О стиле Льва Толстого. Л., «Художественная литература», 1971.
- [6] Курганская О. Я. Способы введения прямой речи. — В кн.: Сборник студенческих работ Ростовского ун-та, вып. 2, 1953.
- [7] Леушева С. И. Особенности реализма молодого Толстого (50-е годы). — В кн.: Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов. М., 1951, с. 268—320.
- [8] Милых М. К. Конструкции с прямой речью как синтаксическая единица. — «Филологические науки», 1961, № 4.

- [9] Михеев А. Ф. Грамматическая валентность частей речи и её роль в формировании простого и сложного предложения. Научные доклады Новосибирского ГПИ, вып. 69. Вопросы теории русского языка. Новосибирск, 1971.
- [10] Пугач С. Речевые приёмы выражения внутреннего мира персонажа в романе Л. Толстого «Война и мир». — «Русский язык в школе», 1962, № 6.
- [11] Чумаков Г. М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.
- [12] Чумаков Г. М. Система вводов прямой речи, их функции и стилистическое использование. — «Филологические науки», 1972, № 2.

**DIE SYNTAKTISCHEN MITTEL DER AN DEN VORGANG DER SPRACHE
GEKNÜPFTEN KOMMENTARE DES AUTORS IM ROMAN „ANNA KARENINA“
VON L. N. TOLSTOI**

M. A. KORCSIC

Verfasser untersucht in seiner Studie die semantische Struktur der die Sprache der Personen des Romans einleitenden schriftstellerischen Kommentare. Er unterzieht die lexische Bedeutung Erweiterungen der verschiedenen schriftstellerischen Kommentare unterschiedlichen syntaktische Niveaus und ihre im Prozess der Sprache eingenommene Rolle einer Analyse. Besondere Beachtung widmet er den in den Kommentaren verwendeten Verben, Umstandswörterkonstruktionen und expressiv sättigten Dekorativattributen. Speziell betont wir in der Studie die in der Charakterisierung des Redevorganges eingenommene wichtige ideelle und künstlerische Rolle der emotionelle Saturation der Worte, der Mimik und der Bewegungen.

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОММЕНТИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО
ПРОЦЕССА В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»**

М. А. КОРЧИЦ

В работе рассматривается семантическая структура авторских слов, вводящих чужную речь. Анализируется лексическое значение распространителей ввода различных синтаксических уровней и их роль в комментировании речевого процесса. Особое внимание уделяется вводящему глаголу, обстоятельственным конструкциям и экспрессивно окрашенным эпитетам, употребляемым в авторских словах. Подчёркивается важное идейно-художественное значение эмоциональной окраски, мимики, жестов для характеристики процесса речи.